

На правах рукописи

ДЕМИНА Алла Сергеевна

**ПОЭТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ТВОРЧЕСТВА
О.Э.МАНДЕЛЬШТАМА**

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Нижний Новгород – 2006

Работа выполнена на кафедре русской литературы XX века ГОУ ВПО «Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского».

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Сухих Станислав Иванович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Дзусева Наталья Васильевна
кандидат филологических наук, доцент
Дергунова Наталья Геннадьевна

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Арзамасский государственный педагогический институт им. А.П.Гайдара».

Защита состоится «27» декабря 2006 года в 13 часов на заседании диссертационного совета Д 212.166.02 по присуждению ученой степени кандидата филологических наук в ГОУ ВПО «Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского» (603000, Нижний Новгород, ул.Большая Покровская, 37, ауд. 312).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Нижегородского государственного университета им. Н.И.Лобачевского (603950, Нижний Новгород, пр.Гагарина, 23).

Автореферат разослан «___» _____ 2006 года.

Ученый секретарь диссертационного совета

Л.В.Рацибурская

О.Э.Мандельштам – поэт, отразивший в своем наследии подлинные искания XX века. В его лирике модернистская тенденция сочетается с классичностью стиля, тем, мотивов. Сложнейший поэт, глубокий мыслитель, нетипичный прозаик, Мандельштам никогда не перестанет быть актуальным.

В современном литературоведении крайне мало интереса проявляется к философской стороне поэзии Мандельштама, на наш взгляд, заслуживающей всестороннего пристального внимания. Будучи одним из самых философски одаренных лириков Серебряного века, он сочетал в своей поэзии тончайшее техническое совершенство и удивительную глубину мысли, обнажающей сокровенные тайны бытия. Мандельштам по праву может быть назван поэтом-философом, а большая часть его стихотворений – умозрением в рифмах. На фоне общих вопросов о смысле бытия Мандельштам особое внимание уделяет проблеме творческого микрокосма. Все этапы его творческого пути отмечены размышлениями о сути, смысле, месте поэзии в жизни, а в последний период эта тема становится главной. Но творчество для него не просто одна из тем, пусть и важнейшая. Творчество для Мандельштама – это образ мыслей, способ существования. Глубина этой проблемы в его лирике не исчерпывается только отдельными темами, устойчивыми мотивами, это сложный по своей сути философский вопрос.

АКТУАЛЬНОСТЬ ТЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Концепция творчества О.Э.Мандельштама в ее глубине и необычности – одна из самых ярких в русской литературе XX века. Она представляет особенный интерес для исследования благодаря тому, что занимает центральное место в художественной системе Мандельштама. Исследование концепции творчества Мандельштама обусловлено необходимостью разностороннего и многопланового изучения наследия поэта. Вне знания концепции творчества в ее целостности невозможно понимание основ художественного мышления Мандельштама, ключевых тем, систем образов и мотивов, элементов стиля.

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ. ЦЕЛЬ диссертации состоит в анализе концепции творчества О.Мандельштама. В соответствии с целью определены следующие ЗАДАЧИ:

1. Выявить творческие установки Мандельштама на этапе их формирования в контексте литературно-философских идей его времени.
2. Определить ключевые элементы его философии творчества, объяснить их сущность и проследить генезис.
3. Показать, в чем состоит философия языка и образа у Мандельштама и как она выражается в его лирике.
4. Выделить принципы поэтики Мандельштама, соотносимые с его концепцией творчества.

Для решения этих задач представляется необходимым:

1. Сопоставить концепцию творчества Мандельштама с другими типологически родственными системами идей.

2. В качестве вспомогательного материала проанализировать взгляды Мандельштама на философию искусства, выраженные в его литературно-критическом наследии.

ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ: лирика Мандельштама, дополнительный источник – литературно-критические статьи Мандельштама. В основу анализа положено 4-томное собрание сочинений (Мандельштам, О.Э. Собрание сочинений в четырех томах / О.Э. Мандельштам.– М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993–1997). В качестве вспомогательного материала используются произведения поэтов Серебряного века, а также философские источники XX века.

ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ: концепция поэтического творчества О.Мандельштама как она выражена в его лирике разных периодов.

ПОЛОЖЕНИЯ, ВЫНОСИМЫЕ НА ЗАЩИТУ.

1. Концепция творчества О.Э.Мандельштама формируется под влиянием литературно-философских идей его современников: символистов, акмеистов и философской системы А.Бергсона.

2. Наиболее ярко сущностные элементы поэтической философии творчества О.Мандельштама проявляются в мотиве смерти; концепцию творчества Мандельштама можно характеризовать как онтологическую.

3. Концепция творчества в лирике Мандельштама соотносима с философией имени.

4. Важнейшие особенности поэтической философии творчества Мандельштама отражены в мифопоэтических элементах его художественной системы.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ. В диссертации осуществлен системный подход, позволяющий рассматривать явления в их целостности и в историко-литературном контексте. В соответствии с задачами в диссертации применены историко-литературный, литературно-биографический, культурно-исторический и сравнительно-сопоставительный методы. Тема исследования (философия творчества О.Мандельштама) определила также использование метода философской интерпретации, реализованного, на наш взгляд, в анализе лирики в книгах В.А.Грехнева «Мир пушкинской лирики», «Словесный образ и литературное произведение».

НАУЧНАЯ НОВИЗНА. Впервые в работе предпринята попытка возможно полного анализа концепции творчества О.Мандельштама, взятой в ее ключевых, системообразующих моментах, характеризующих взгляд Мандельштама на природу и сущность творчества, специфику творческого процесса и его результаты. Подобные попытки в литературоведении не предпринимались. До сих пор данной темы исследователи касались лишь попутно, она не становилась объектом специального литературоведческого анализа. В данной работе концепция творчества О.Мандельштама соотносится не только с концепциями его современников, но дается анализ представлений Мандельштама о сущности художественного творчества в сопоставлении с другими крупными концепциями XX века, что позволяет достичь более полных и глубоких результатов анализа.

ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ заключается в возможности использования основных положений и выводов диссертации в вузовском курсе лекций по истории русской литературы XX века, в спецкурсах и спецсеминарах, посвященных лирике Серебряного века в целом и творчеству Мандельштама, в особенности касающихся проблем философии творчества.

АПРОБАЦИЯ РАБОТЫ проведена на научных конференциях «Жизнь провинции как феномен духовности» (2005 г.), «Актуальные проблемы изучения литературы на перекрестке эпох» (2006 г.) (г.Белгород), «Грехневские чтения V» (2005 г.). Отдельные положения исследования сформулированы в 7 опубликованных статьях.

СТРУКТУРА РАБОТЫ обусловлена задачами, стоящими перед автором. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы, включающего 278 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность темы исследования, намечены цели и задачи работы, определены научная новизна, практическая значимость и методологическая база исследования, сформулированы положения, выносимые на защиту. Также во Введении рассматривается история вопроса: дается обзор проблем, представленных в предшествующих работах, посвященных творчеству Мандельштама.

Творческое наследие О.Мандельштама, во всей его глубине и многоаспектности, отнюдь не представляется полностью и всесторонне изученным. На данный момент в мандельштамоведении скорее возникает больше вопросов, чем дается ответов на них. До сих пор много неясностей, связанных с недостатком источников: они касаются фактов биографии поэта (особенно пребывания в лагере), установления окончательного варианта множества стихотворений. В целом можно выделить следующие направления, представляющие наибольший интерес для исследователей.

1. Творчество Мандельштама в общем историко-литературном контексте: эта проблема поставлена в работах В.В.Мусатова, И.И.Чекалова, О.А.Лекманова, М.Рубинс, Л.Г. Кихней и т.д.

2. Исследование отдельных мотивов, образов, символов вне связи с общей концепцией творчества (наиболее многочисленный пласт работ о Мандельштаме). Такой подход отражают статьи В.В.Мусатова, Б.Бухштаба, И.Воротникова, А.Жолковского и др.

3. Анализ отдельных этапов творческой деятельности Мандельштама: выделим статьи В.В.Мусатова, С.Стратановского, В.Кривулина, Б.Гаспарова, Ю.И.Левина и т.д.

4. Проблема интертекстуальных связей в русской и зарубежной поэтической традиции. Этот ракурс исследований Мандельштама представлен в работах Н.А.Богомолова, С.Н.Бройтман, О.А.Лекманова, И.И.Низовой, С.С.Аверинцева, Л.А.Колобаевой, О.Ронена, К.Ф.Тарановского, С.М.Марголиной, А.А.Добрицына, Г.Кружкова, А.Смирнова, О.А.Лекманова и др. Особенно

отметим сборник статей «Мандельштам и античность» со статьями А.И.Немировского, Н.А.Нильссона, Р.Пшыбыльского, В.И.Терраса и т.д.

В литературоведении созданы обстоятельные труды по кардинальным проблемам творчества Мандельштама. Среди них исследования Н.Струве, Л.Г.Кихней, Н.А.Петровой, С.М.Марголиной, И.Гурвича, монография Л.Пановой, посвященная анализу языковых средств, формирующих поэтическую картину мира Мандельштама. Также заслуживает внимания работа Г.Г.Амелина и В.Я.Мордерер, книга И.Н.Бушман, иноязычные исследования Д.Г.Харриса, П.Зимана, Д.Бейнс, Г.Фрейдина. Наконец, назовем труды О.А.Лекманова, А.С.Карпова, а также К.Брауна, посвященные биографии Мандельштама в ее взаимосвязи с творчеством.

К сожалению, приходится констатировать, что целостного исследования вопросов, связанных с концепцией творчества Мандельштама, в науке о литературе нет. Отдельным аспектам этой темы посвящен ряд исследований. Единственный в своем роде анализ мандельштамовского понимания психологии творчества принадлежит В.П.Зинченко. Попыткой сопоставительного анализа наследия Мандельштама в интересующем нас аспекте явились статьи, посвященные общим особенностям мировоззрения Мандельштама и крупных философов XX века. Следует назвать исследования В.К.Суханцевой, И.Ужаревича, С.Сендеровича, С.С.Осокиной, В.Шлотта, С.Ф.Кузьминой. В этих работах Мандельштам предстает не только как гениальный лирик, но и как мыслитель, во многом стоящий в одном ряду с выдающимися деятелями русской и европейской философии. Особое значение при изучении нашей темы приобретают работы, связанные с исследованием отдельных философских категорий, как они представлены в творческом мире Мандельштама. Так, статьи Е.А.Денисовой, М.Багге, П.Кейгела, Ю.Иваска делают акцент на религиозно-философских реминисценциях. Глубоким пониманием философии времени у Мандельштама отличаются статьи О.М.Седых, И.Берковича, проблемам философии личности посвящены работы Л.А.Колобаевой.

Очевидно, что философская концепция творчества О.Мандельштама, выраженная в литературно-критических комментариях, ряде мотивов и специфике художественного языка мандельштамовской лирики, в настоящий момент в литературоведении изучена крайне слабо.

Первая глава «Концепция творчества О.Мандельштама в литературно-философском контексте» посвящена анализу философии творчества Мандельштама в контексте современных автору литературно-философских идей. **В первом параграфе первой главы** предметом исследования становится определяющее влияние, оказанное на эстетическую концепцию Мандельштама на этапе ее формирования представителями литературных течений символизма и акмеизма.

Начальный период творчества Мандельштама последовательно укладывается в рамки символистского учения. Несомненно, символизм повлиял на философию творчества Мандельштама: от некоторых символистских норм он отмежевался, другие вошли в его лирику навсегда.

Пожалуй, наиболее близкие Мандельштаму в период ученичества поэты-символисты – В.И.Иванов и И.Ф.Анненский – послужили для него своеобразными полюсами в осмыслении искусства. Избегая крайностей «ассоциативного символизма» и чрезмерного пиетета перед «логизмом вселенской идеи», Мандельштам соединяет концепции И.Ф.Анненского и В.И.Иванова: субъективное видение уравнивается у него апелляцией к реальности. Эссеистика В.И.Иванова оказала также определенное влияние на формирование акмеистической концепции творчества, а идея Иванова о независимости искусства от внешних факторов позднее станет одним из излюбленных мотивов Мандельштама («*Восьмистишия*», «*Как землю где-нибудь небесный камень будит...*», «*Флейты греческой мята и йота...*»).

Основой для сопоставления Мандельштама и Д.С.Мережковского может служить признание ими важности эстетически-философского созерцания. Оба поэта рассматривают искусство как одну из форм религиозного творчества: они принадлежат к так называемому «неохристианству» – философско-эстетическому течению, отражающему идею о «творческом развитии» христианства вопреки догматизму.

В целом же «присутствие» поэтов-символистов в концепции творчества Мандельштама ощутимо на уровне заимствованных и отвергнутых идей, включает в себя и полемику, и подражание. В результате анализа в диссертации выделяются те символистские идеи, которые укоренились в философии творчества О.Мандельштама.

1. Символисты утвердили идею о близости, тождестве творческого акта Божественному творению. Поэтическое творчество – таинство, магия, волшебство. Н.Минский пишет: «Наука раскрывает законы природы, искусство творит новую природу. Творчество существует только в искусстве, и только одно творчество творит новую природу»¹. Эта идея абсолютно органична для Мандельштама, мы встретим ее и в ранней, и в поздней лирике.

2. Идея «жизнетворчества» – одно из самых значимых открытий символизма. Концепция «теургии» отражена и в лирике Мандельштама. Искусство для него величайшая ценность, изменяющая и преображающая жизнь. Более того, это свойство искусства есть заданность, которой поэт призван руководствоваться. Творческому началу причастен и русский язык как носитель духовности народа.

3. В лирике Мандельштама мы достаточно часто встретим идеалистические, иррациональные элементы, частично восходящие к символизму, велика в его поэзии и роль музыкального начала.

Новое художественное мышление, присущее акмеизму, принципиально изменило картину мира в поэзии. Этому пересмотру подверглась концепция творчества. Определенные элементы акмеистического понимания сути искусства наследует лирика Мандельштама.

Поэзию Н.С.Гумилева и О.Мандельштама роднит ярко выраженная философичность. Соединяя формальный анализ с преклонением перед

¹ Цит. по: Минц, З.Г. Поэтика русского символизма / З.Г.Минц.– СПб.: «Искусство–СПБ», 2004.– 480 с.– С. 374

мистичностью слова, Гумилев, как и Мандельштам, приходит к признанию сакрального характера слова, особому поэтическому культу имени. И Гумилев, и Мандельштам связывают культурно-мифологический смысл слова со страданием и искуплением. Концепция «страдающего» слова-плоти восходит к Евангелию от Иоанна, где Бог – вочеловечившийся Логос.

А.А.Ахматову и О.Мандельштаму связывает ощущение сопричастности трагическому периоду истории, признание очищающей силы страдания и осуществление победы над хаосом через поэтическую гармонию. У Мандельштама позднего периода это главная тема, которую мы найдем в стихотворениях «*Я в львиный ров и в крепость погружен...*», «*Как светотени мученик Рембрандт...*», «*Куда мне деться в этом январе...*», «*Еще не умер ты, еще ты не один...*», а также в «Воронежских тетрадах».

И Ахматовой, и Мандельштаму присуще осознание поэтического ремесла как особой миссии, особого жребия, возложенного на поэта Богом. Поэзия и стоицизм нераздельны, героика «мужественной воли к поэзии»¹ – творческое *credo* двух акмеистов. В стихотворениях «*Я скажу это начерно, шепотом...*», «*Флейты греческой мята и йота...*» вдохновение приравнивается к «поту и опыту». В «*Отрывках из уничтоженных стихов*» О.Мандельштама и «*Реквиеме*» А.Ахматовой лирика практически становится эпосом: личная судьба поэта сливается с трагедией миллионов людей. Культура же мыслится обоими поэтами как опора для противостояния судьбе. Культура есть дом, спасающий от потерянности и от гнета истории.

Мандельштам занимает важное место среди представителей литературной школы акмеизма, заимствуя элементы эстетики, соответствующие его художественному видению.

1. Одной из важнейших идей, воспринятых поэзией Мандельштама, стала акмеистическая трактовка слова. Слово осмыслено акмеистами как Логос, сакральная субстанция. Онтологичность слова, его особая роль в качестве смыслообразующей основы вещи – аксиомы для Мандельштама. Дополнив теорию слова акмеистов философией имени, Мандельштам пришел к пониманию творчества как верного наименования вещей в соответствии с их сущностью.

2. Акмеистическое признание «самодовлеющей ценности мира – пространства, времени, вещества» (В.Гиппиус)², внимание к видимому и слышимому, а не мистическому бытию в лирике Мандельштама впоследствии реализуется как сознательный аскетизм, тесное слияние в лирическом переживании бытового и вечного.

3. Восприятие мира как органического целого, пронизанного законами упорядоченности, отражено в акмеистической символике строительства, камня, борьбы с пустотой. В поэзии Мандельштама эта идея акмеистов эволюционирует в идею «архитектурности» в построении, становится законом архитектоники и упорядоченности в поэтике.

¹ Мандельштам, О.Э. Стихотворения. Проза / О.Э.Мандельштам. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002. – 704 с. – С. 581

² Цит. по: Тименчик, Р.Д. Заметки об акмеизме / Р.Д.Тименчик // Russian literature. – 1974. – № 7/8. – С. 23–46. – С. 32

Отпечаток символизма и акмеизма явственно различим в «Камне», причем оба направления парадоксальным образом сочетаются в одном сборнике.

Медитативность, намеренная недосказанность, фрагментарность (подчеркнутые иногда синтаксически – многоточием в конце) таких стихотворений, как «Звук осторожный и глухой...», «Нежнее нежного...», «Невыразимая печаль...», «Как тень внезапных облаков...», являются несомненно символистическими особенностями. Они подкреплены ослабленным сюжетом и нарочитой смысловой неясностью. В то же время в сборнике достаточно примеров противоположной тенденции: синтаксической простоты, единообразия («Летают валькирии...», «Кинематограф» и др.).

Присущий символизму мотив зыбкости границ между искусством и жизнью, установка на теургию отражены в сборнике. Искусство – преображенная в свете вечности жизнь. С другой стороны, в «Камне» властвует акмеистический принцип признания существования и существующего превыше всего. Искусство, в соответствии с ним, не имеет претензии переделывать мир, но хотя бы отразить «ощущение мира как живого равновесия»¹.

Ключевые для символистов темы вечности, рока, связи с потусторонним обширно представлены в сборнике («Сегодня дурной день...», «Я вздрагиваю от холода...», «Когда удар с ударами встречается...»). В то же время во многих стихотворениях воспевается грубый, плотный акмеистический материал, отрицаются культовые для символистов «звезды» («Я ненавижу свет...»), на первый план выходит подчеркнутая «вещественность» бытия.

Рассматривая поэтику сборника как двойственную, отметим, что он характеризуется большим удельным весом акмеистического начала. Однако «Камень» является «преодолением» не только символизма, но и самого акмеизма. Стихотворения сборника, написанные в 1914-1915 гг., не укладываются в рамки ни первого, ни второго течения; они отмечены особенностями, типичными именно для художественного мышления Мандельштама: сдержанностью, философичностью, совершенством отделки, выраженной интертекстуальностью. Многие черты поэтического стиля Мандельштама, отраженные в том числе и в ранних символистских стихотворениях, являются родовыми признаками его лирики. Среди них – обращенность в себя (для символизма характерна обращенность вовне, в запредельную реальность, для акмеизма – в земную реальность), рефлексивность. Антииндивидуализм, только намеченный в «Камне», особенно ярко как важнейшая характеристика творчества Мандельштама проявится в поздних стихотворениях («Я скажу это начерно, шепотом...», «Стихи о неизвестном солдате», «Флейты греческой мята и йота...»). Сдержанность, утонченная гармония, присущие стилю Мандельштама, в сборнике ощутимы как апофатичность и замкнутость художественного мира. Тема рока, здесь представленная в символическом ключе («Смутно-дышащими листьями...»), позднее приобретет трагическую окраску. Типично мандельштамовской

¹ Мандельштам, О.Э. Стихотворения. Проза / О.Э.Мандельштам.– М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002.– 704 с.– С. 475

особенностью можно также считать пристрастие к синтаксическим неправильностям и усложненности, сюжетную неотчетливость.

Мандельштам периода «Камня» – уже самостоятельный художник. Его концепция творчества формируется под влиянием множества факторов, сохраняя тем не менее относительную независимость. Определяющей чертой лирики ученического периода становится философичность.

Во втором параграфе первой главы поэтическая философия творчества Мандельштама соотносится с эстетикой крупнейшего философа XX века А.Бергсона.

Биографы говорят о раннем увлечении поэта Бергсоном: Мандельштам слушал лекции Бергсона в 1906 г., а в 1907 г. привез из Парижа «Творческую эволюцию». Влияние Бергсона наиболее ощутимо в теоретических статьях поэта. В частности, в «Разговоре о Данте» неоднократно варьируется бергсоновская идея становления. К Бергсону восходит высказывание Мандельштама о том, что поэтическая материя не имеет ни формы, ни содержания, поскольку существует лишь в исполнении. Готовая вещь – «каллиграфический продукт», остающийся в результате исполнительского порыва. С Бергсоном также соотносим следующий отрывок: «Мы описываем как раз то, чего нельзя описать, то есть остановленный текст природы, и разучились описывать то единственное, что по структуре своей поддается поэтическому изображению, то есть порывы, намеренья и амплитудные колебанья»¹. По Бергсону, сущность жизни – «длительность», которая представляет собой непрекращающийся поток изменений, постоянное взаимопроникновение прошлого и настоящего, творчество новых форм, развитие, становление.

В статьях «О природе слова» и «Заметки о поэзии» очевидно влияние Бергсона на размышления Мандельштама о языке. Так, в первой статье язык понимается как единый «организм», служащий материалом и одновременно движущей силой творческой эволюции. Свидетельство влияния Бергсона – убежденный антиутилитаризм Мандельштама в языковой сфере. Состояние мира, отринувшего творческое начало и погрузившегося в «болото» языкового автоматизма, Мандельштам описывает метафорой «Сахара».

Яркой мыслью Мандельштама, связанной с теорией Бергсона, является мечта об органической поэтике. По его мнению, поэтика должна иметь «биологический характер», т.е. преодолеть «канон во имя внутреннего движения организма»².

Лирика в наибольшей степени вмещает творческую преемственность двух авторов, причем это особенно характерно для поздней поэзии Мандельштама. Не раз отмечалось, что «*Восьмистишия*» буквально пронизаны духом и идеями бергсонизма. Начиная с первого «*Восьмистишия*» «*Люблю появление ткани...*» в цикле прослеживается идея глубинной взаимозависимости творчества и жизни. Если «появление ткани» трактовать

¹ Мандельштам, О.Э. Стихотворения. Проза / О.Э.Мандельштам.– М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002.– 704 с.– С. 553

² Там же, С. 436

как рождение продукта творчества, то стихотворение превращается в сопоставление процесса творчества (первое четверостишие) и состояния бытия (пространство «играет»). Абстрактное понятие пространства сравнивается здесь с ребенком («не знавшее люльки дитя»); автор подчеркивает, что весь жизненный универсум сопричастен творчеству.

Мотив одушевленности природы настойчиво звучит в *«Восьмистишии»* *«И клена зубчатая лапа...»*. Автор делает шаг от констатации связи природы и творчества (он видит в ней некую мудрость, нечуждую человеческому разумению (первый катрен)) к признанию обожествленности живого: человечество представляется ему огромным храмом.

Мандельштам видит духовность в живой и неживой природе. Это согласуется с утверждением Бергсона о том, что инстинкт, ведущее творческое начало, застывшее в материи в неодушевленном мире и развившееся в интуицию в высших формах жизни, объединяет всю вселенную.

Большое место в *«Восьмистишиях»* занимают органицистские мотивы (*«Шестого чувства крохотный придаток...»*, *«Преодолев затверженность природы...»*), в которых непосредственно узнается бергсоновский источник. Мотив эволюции связывается здесь с мотивом интуиции. У Бергсона интуиция лежит в основе эволюции, а также формирует человеческую личность: «...интуиция представляет самую сущность нашего духа и, в известном смысле, самую жизнь»¹.

В *«Восьмистишиях»*, без сомнения, отражена бергсоновская идея о жизни и творчестве как о вечном становлении. Бергсон подчеркивает, что Вселенная не дана в готовом виде, но непрерывно создается. Это положение родственно некоторым элементам мандельштамовской эстетики: произведение подлинным образом существует лишь в становлении (у Мандельштама – «исполнении»), отсюда – стихотворения-«двойчатки», раскрывающие одну идею в разных аспектах, приравнивание черновика к чистовику. Мотив становления отражен в *«Восьмистишиях»* *«Люблю появление ткани...»*, *«Преодолев затверженность природы...»*, *«Когда, уничтожив набросок...»*, *«Скажи мне, чертежник пустыни...»*, *«В игольчатых чумных бокалах...»*. Такого рода переключки с Бергсоном в лирике Мандельштама очень многочисленны.

Развитие, созидание, неотделимые от деятельности художника, теснейшим образом связаны с идеей самосозидания. Бергсон пишет, что «в известной мере мы представляем из себя то, что мы делаем, что мы непрерывно создаем из самих себя»². Мотив самосозидания через поэзию присущ и ранней, и поздней лирике Мандельштама. От *«Раковины»* до *«Флейты греческой мята и йота...»* Мандельштам утверждает зависимость поэтического дара от качеств самого поэта. Автор также декларирует фатальный характер творческого свершения: флейту «невозможно покинуть», а «флейтист не узнает покоя».

Философская лирика Мандельштама может быть соотнесена с философскими учениями В.С.Соловьева, П.А.Флоренского, М.Хайдеггера, В.В.

¹ Бергсон, А. Творческая эволюция. Материя и память / А.Бергсон.– Минск: Харвест, 1999.– 1408 с.– С. 296

² Там же, С. 21

Розанова, И.А.Ильина. Влияние Бергсона на его творчество – одно из немногих очевидных *генетических влияний*. Глубинную близость Манделъштама и Бергсона следует расценивать как духовное родство двух мыслителей, оказавших сильное воздействие на интеллектуальную жизнь своей и последующей эпохи.

Вторая глава «Метафизика творчества» посвящена анализу сущностных особенностей поэтической философии творчества Манделъштама, раскрывающих понимание Манделъштамом творчества как метафизического явления и отраженных в лирике в ряде устойчивых мотивов.

Первый параграф второй главы посвящен анализу мотива смерти. Особое понимание смерти представляет собой важнейшую характерную черту эстетики Манделъштама. Отношение к смерти определило многие аспекты его творчества, воплотив в себе основополагающую категорию мировоззрения поэта. В статье «Скрябин и христианство» Манделъштам пишет, что «смерть художника не следует выключать из цепи его творческих достижений, а рассматривать как последнее заключительное звено». Смерть, по Манделъштаму, служит «источником» творчества, его «телеологической причиной»¹.

Согласно писателю и теоретику искусства М.Бланшо, литературное творчество – драматический разрыв с действительностью, головокружительный шаг по ту сторону бытия. В эссе «Смерть как возможность» он пишет, что «творчество увлекает посвятившего себя ему туда, где оно сопротивляется собственной невозможности»². В каждом новом произведении, в каждом моменте творчества все ставится под вопрос, так что человек, вынужденный опираться только на творчество, остается вовсе без опоры. Что бы он ни делал, творчество ставит его вне того, что он может.

Эссе «Смерть как возможность» служит прекрасным комментарием к той особенности лирического мира Манделъштама, которая заключается в соотношении сознания автора со смертью. Мысль поэта непрестанно «вьется» вокруг смерти, тема смерти неожиданным образом сопрягается с «далековатыми» темами: «веселье», «легкая жизнь» и смерть («*От легкой жизни мы сошли с ума...*»); вечер, сумерки и «умирающее сердце» («*Смутно-дышащими листьями...*»); свобода и «обреченность умереть» («*О свободе небывалой ...*»). В некоторых стихотворениях связь творчества и смерти так очевидна, что почти декларируется: «Я только петь и умирать умею» («*Качает ветер тоненькие прутья...*»). В раннем стихотворении «*Довольно лукавить: я знаю...*» именно через принятие факта смерти становится возможным рождение к новой жизни: «грядущая вечность» поэта «решается бесповоротно» в момент мудрого молчаливого примирения с идеей смертности существующего.

Наибольший интерес представляет художественное осмысление взаимосвязи творчества и смерти, данное в стихах *о внутренней драме рождения поэзии* («*Змей*», «*В самом себе, как змей, таясь...*» и др.). В ходе анализа этих стихотворений в диссертации делается вывод о том, что лирический герой Манделъштама проходит

¹ Манделъштам, О.Э. Стихотворения. Проза / О.Э.Манделъштам.– М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002.– 704 с.– С. 476

² Бланшо, М. Смерть как возможность / М.Бланшо // Вопросы литературы.– 1994.– № 3.– С. 191-213.– С. 191

через цепочку последовательных фаз, превосходя себя и причащаясь Слову: мучительное воздействие внешнего мира; творческое бессилие, безнадежность, оставленность; приближение к смерти, полный отказ от себя; рождение нового, просветление. Интересно, что современная наука, описывающая психологию смерти, подтверждает психологическую достоверность выделенных Мандельштамом стадий «умирания», которые предшествуют у него творческому всплеску.

Согласно некоторым ученым, настойчиво повторяющийся в лирике Мандельштама мотив смерти восходит к *мотиву посвящения*. В русской поэтической традиции этот мотив приобретает ракурс «инициации поэта» и берет начало в творчестве Г.Р.Державина («Бог», «На смерть князя Мещерского») и А.С.Пушкина («Пророк»).

Экзистенциальное переживание страха смерти в лирике Мандельштама является исключительным по значимости и глубине. Н.Я.Мандельштам отмечает, что «Мандельштам... всегда остро чувствовал смерть – она как бы всегда присутствовала в его жизни. И это не удивительно – поэзия в еще большей степени, чем философия, есть подготовка к смерти»¹. Биографические данные подтверждают подмеченную Мандельштамом тесную связь между творчеством и философией смерти (тяжелейшие периоды в жизни Мандельштама, как правило, были наиболее плодотворными).

Мотив жертвы и жертвенности пронизывает практически все темы лирики Мандельштама. Многие поздние стихи проникнуты мотивом обреченности поэта, которому предстоит погибнуть через то, что составляет его жизнь, через песнь («Рояль», «За гремучую доблесть грядущих веков...», «Квартира пуста, как бумага...», «Колют ресницы, в груди прикипела слеза...»). Тема подготовки к гибели глубоко связана с темой утверждения ценой собственной жизни священных ценностей бытия.

Апофеоз темы смерти в ее связи с темой творчества отражен в итоговом произведении Мандельштама «*Стихи о неизвестном солдате*». Смерть предстает здесь как космическое событие. Это своеобразный реквием по убиенным (властью, войной), но не менее силен пафос утверждения могущества художника как своеобразного ангела добра и света.

Во **втором параграфе второй главы** анализируется мотив «возможного», представляющий собой конститутивный элемент творческого сознания Мандельштама, а также исследуется онтологичность его концепции творчества.

Философская лирика Мандельштама – настоящая сокровищница уникальных и глубоких художественных идей, часть которых опередила свое время и соотносима с современными открытиями в науке. Одна из таких идей – идея «возможного», идея внутреннего потенциала бытия и путей его реализации. Тема «возможного» возникает в ранней лирике и высшее свое выражение находит в произведениях позднего периода. В раннем стихотворении «*Медленно урна пустая...*» сопоставлены понятия «возможное»

¹ Мандельштам, Н.Я. Вторая книга: Воспоминания / Н.Я.Мандельштам.– М.: Олимп, Астрель, АСТ, 2001.– 512 с.– С. 79

и «жребий», судьба. Предметом повествования становится отсутствие поэзии, ее недоступность. Стихотворение – итог и даже *способ* преодоления такого состояния. Самовыражение в слове является нераздельным с *самосозиданием*, «высокое косноязычье» не манна небесная, а трудный путь, который требует абсолютной жертвы и полной самоотдачи. Мысль о творчестве как о вечном становлении, необходимости раскрытия собственной природы, «сбывания» себя, оправдания своего бытия – здесь, как и во многих других случаях, центр художественных размышлений Мандельштама.

В «*Восьмистишиях*» философская проблема потенциала бытия и возможных его реализаций отражена с исключительной художественной глубиной («*И я выхожу из пространства...*», «*Шестого чувства крохотный придаток...*», «*В игольчатых чумных бокалах...*»). Одним из самых ярких в этом отношении представляется стихотворение «*Преодолев затверженность природы...*». На первый взгляд перед нами образ устоявшегося, косного, целиком принадлежащего миру сему бытия («затверженность природы»). Для внимательного взгляда это лишь видимость устойчивости; настоящая жизнь – становление, происходящее непрерывно, в каждую единицу времени. Развитие – непереносимое условие жизни, даже более того, оно является источником поэзии; поэзия и жизнь исходят из одного корня.

Интересные выводы дает сопоставление понимания сути искусства у Мандельштама и философии творения в теологии. Удивительна близость идей Мандельштама к трактовке Божественного сотворения мира у богослова А.Сурожского. Сопоставление этих двух позиций наталкивает нас на параллелизм первотворения и творческого акта. «Хаос» у А.Сурожского соответствует недифференцированному еще бытию, бытию-потенциалу в концепции Мандельштама, Дух Святой напоминает вдохновение, а Космос соответствует гармонии поэтического произведения. В каждом акте творения в какой-то степени повторяется начало мира.

Основной отличительной чертой категории творчества у Мандельштама является ее онтологичность. «Бытие-творчество» – к этой оппозиции сводится всё многообразие решений вопроса о смысле искусства. Непосредственный комментарий к этой проблеме находим в статьях Мандельштама. Размышляя о языке в статье «О природе слова», поэт наделяет язык онтологическим статусом. По Мандельштаму, жизнь русской нации совершается в языке, слово – больше, чем смысловой комплекс, это «звучащая и говорящая плоть»¹. Природа языка сакральна. Лирика соприродна движению жизни, чистое бытие высказывает себя в творческом акте. Поэт – голос сущего, его предназначение – быть выразителем Вселенной, через него обретающей Слово о себе. Художник выступает как чуткий пророк еще назревающего, своим духовным деланием поднимающий его до статуса бытия.

Для характеристики емкой диалектической пары «жизнь-искусство» у Мандельштама нами в диссертации используются хайдеггеровские термины «бытие» и «сущее». «Бытие» – понятие, обозначающее самое всеобщее; «сущее» же

¹ Мандельштам, О.Э. Стихотворения. Проза / О.Э.Мандельштам.– М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002.– 704 с.– С. 429

указывает на особенное, единичное. «Бытие» есть «существование» «сущего», оно предшествует «сущему». «Сущее» – «явление» бытия, его обнаружение в реальности и самораскрытие. Согласно М.Хайдеггеру, «бытие» обречено постоянно, порой чрезвычайно мучительно, рождаться в «сущем», «выходить из потаенности»¹. «Заместитель Ничто», только человек может переживать как чудо само существование явления, воспринимая «сущее» вступающим из ночи «Ничто» в освещенное пространство бытия. Эту возможность, по М.Хайдеггеру, дает человеку творчество.

Идеи М.Хайдеггера помогают многое понять в концепции творчества Мандельштама. Перекликаются с мыслями немецкого философа слова поэта о «сообщничестве сущих в заговоре против пустоты и небытия»² («Утро акмеизма»). В лирике Мандельштама распространен мотив поиска, обретения или узнавания потерянного, который, используя терминологию М.Хайдеггера, можно назвать попыткой реализовать «бытие» в «сущем». Мандельштамовское «потерянное слово» («1 января 1924») означает не только лучший способ выражения смысла, которого мучительно добивается поэт, но и то, что слово это, единственно нужное, уже существует, необходимо лишь извлечь его на поверхность бытия. М.Хайдеггер называет это «впусканием присутствия», т.е. обретением материальной оболочки духовно уже обособленной субстанцией. Согласно Мандельштаму, бытие предмета осуществится, если оно будет выражено художником. Бытие через поэта осмысляет себя, находит место во вселенной. Невыраженность, необретенность – трагедия вечного небытия.

Частый мотив в стихотворениях Мандельштама – страх немоты, рождающийся от острого осознания принципиальной незавершенности бытия, обреченности жить в мире становящихся смыслов, вынашиваемых строк, внутренних явлений, бытие которых ничем не может быть гарантировано. Его поэзия углубляет бытие, включая в него мир потенциального бытия. Поэтическому зрению открывается и будущее вещей, и прошлое мира. Искусство дает ведение того, что

...прежде губ уже родился шепот,
И в бездревесности кружились листья,
И те, кому мы посвящаем опыт,
До опыта приобрели черты.

Мандельштам стремится создать такую словесную ткань, в которой действительность органично и естественно говорила бы сама за себя. Большая часть труда художника, как мы видим в поздней лирике Мандельштама, заключается в поиске нужного ракурса, необходимого *угла зрения*, выводящего вещь или явление из автоматизма восприятия. Условно говоря, Мандельштам воплощает свободный диалог изображаемого с читателем при минимальном вмешательстве художника. Автор пытается создать ощущение, что сам он не призма, в которой преломляется действительность, а лишь проводник. Он тот, кто помогает правильно понять эту действительность. В поздней лирике

¹ Хайдеггер, М. Время и бытие: статьи и выступления / М.Хайдеггер; сост., пер., вступ.ст. и ком. В.В.Бибихина.– М.: Республика, 1993.– 445 с.– С. 398

² Мандельштам, О.Э. Стихотворения. Проза / О.Э.Мандельштам.– М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002.– 704 с.– С. 474

Мандельштама форма изображаемого («конструкция», по терминологии П.А.Флоренского) значимее формы самого изображения («композиции»).

Поэтика наряду с другими аспектами художественной реальности в философской лирике Мандельштама нацелена на то, чтобы отразить мир в его подлинности и многогранности. Размышляя о творчестве, Мандельштам пишет о бытии, отражая реальность, думает о творчестве. Статус творчества – *онтологический*. Жизнь и поэзия сливаются, становясь средством преобразования и освобождения человека от несовершенства с целью достичь бессмертного пребывания в поэзии, творческой бесконечности.

В третьем параграфе второй главы концепция творчества О.Мандельштама анализируется в свете идей имяславия.

В диссертации дается краткий экскурс в работы представителей философии имени (А.Ф.Лосева, П.А.Флоренского, С.Н.Булгакова, о.Иоанна Кронштадтского). Наиболее обобщенно доктрину имяславия можно сформулировать как признание философами метафизичности слова; «имя» (слово, наименование) наделяется сакральными свойствами и рассматривается как основание бытия. Слово универсально и космично (мир, вселенная есть слово (А.Ф.Лосев, С.Н.Булгаков)). Слово бытийно («слово о предмете есть сам предмет» (А.Ф.Лосев)¹).

Вопрос о знакомстве поэта с работами по философии имени вызывает много неясностей. Доподлинно известно лишь об интересе Мандельштама к философии П.А.Флоренского. В исследовании подчеркивается сходство многих идей этих авторов, обусловленное глубинным родством их мирозерцания.

Автор выделяет те аспекты теоретических воззрений Мандельштама на слово, которые соответствуют идеям философии имени (анализируются статьи «О природе слова», «Разговор о Данте», «Утро акмеизма»). Найденные соответствия показывают близость концепции творчества Мандельштама к имяславия.

Несомненная связь лирики Мандельштама с имяславием выражается по-разному. В стихотворном наследии Мандельштама выделяются произведения, в которых параллели с философией имени наиболее очевидны.

Мандельштам прямо обращается к теме имяславия в стихотворении «*И поныне на Афоне...*». История здесь проецируется на повседневность, отражающую извечный порядок вещей. Символом связи прошлых событий с настоящим становится «древо чудное», соотносимое с мифологическим «мировым деревом», обозначающим Вселенную. На наш взгляд, поэтическая идея стихотворения такова: не называя любовь своим именем, мы ее обедняем, обесцениваем. «Ересь» имяславия – это постоянное состояние влюбленного.

Стихотворение «*Образ твой, мучительный и зыбкий...*» с очевидностью демонстрирует, что одно слово, даже нечаянно сказанное, способно изменить мир. Имя Божье материально до осязательности: оно характеризуется плотностью, весомостью, а сказанное, будто бы ощущается физически. Слово приближается

¹ Лосев, А.Ф. Философия имени / А.Ф. Лосев.– М.: Издательство МГУ, 1990.– 270 с.– С. 157

к материальной субстанции не как определенный комплекс звуков, а как *событие*, меняющее мир.

Стихотворение «*Как облаком сердце одето...*» описывает антиномию духовного состояния человека вне настоящего творчества и приобщенного ему. Явления *нуждаются* в выражении через поэта: «...призраки требуют тела...», «как женщины, жаждут предметы, как ласки, заветных имен». В этом мотиве мы видим прямую корреляцию с имяславием. В имяславии слово первично; С.Н.Булгаков писал о слове как о мире, говорящем о себе через человека: «Имя есть самооткровение вещи, оно принадлежит вещи, а не говорящему. В этом смысле вещь сама себя называет»¹. Слово обладает статусом *бытийным*, онтологичность слова подчеркивают все имяславцы. П.А.Флоренский убежден: «...слово – это самый объект, познаваемая реальность... в своей подлинности...»².

Философия имени в лирике Мандельштама представляет собой не только важный источник тем, мотивов и реминисценций. Характерной чертой творческой вселенной Мандельштама является имяславческое мировоззрение: имяславие выступает в его лирике как способ отношения к миру и способ бытия. Поэзия Мандельштама в высшей степени отражает мысль о том, что слово – центр мироздания, что оно призвано выразить всё существующее и даже еще не созданное («Несозданных миров отмститель будь, художник, несуществующим существованье дай...»), что слово – основание бытия.

Во многих (особенно ранних) стихотворениях слово становится источником власти над миром, его постижения и пересоздания. Такие стихотворения отличаются медитативным характером, в них сюжет подчинен цели передать сложное психологическое состояние автора, владевшее им в момент создания произведения.

К стихотворениям, ярко утверждающим идею всевластия слова, принадлежит корпус символистских стихотворений (до 1912 г.). Их художественная структура с очевидностью демонстрирует слово, обретшее статус бытийственный, гносеологический, метафизический.

В стихотворениях «*Где вырывается из плена...*», «*Пустует место. Вечер длится...*», «*Когда городская выходит на стогны луна...*», «*В смиренномудрых высотах...*» особенно очевиден магизм слова, его способность вызывать к жизни целый мир, который живет по своим законам и в то же время смежен с миром реальным. Весь строй лирики Мандельштама, начиная со звукового уровня, сопрячен имяславиям. Фонетический уровень его поэзии отражает первенство слова по отношению к сюжету, мотиву, композиции и т.д. (что прекрасно видно на примере его стихотворений-«двойчаток»).

Таким образом, имяславие – система философских представлений об именовании – лучше всего описывает мандельштамовское отношение к слову как инструменту творчества. Представления Мандельштама о сущности творчества, призвании поэта и его миссии в мире, рассмотренные сквозь

¹ Булгаков, С.Н. Философия имени / С.Н.Булгаков.– СПб.: Наука, 1999.– 448 с.– С. 103

² Флоренский, П.А. Сочинения в 4 т. / П.А. Флоренский.– Т. 3(1).– М.: Мысль, 2000.– 622 с.– С. 263

призму философии имени, приобретают исключительную художественную глубину и значимость.

В четвертом параграфе второй главы предметом исследования стали воплощенные в мифопоэтическом «слое» лирики Мандельштама мотивы и идеи, отражающие его концепцию творчества.

Методологическую основу данного параграфа составляют исследования по теории мифа, а также современные исследования мифопоэтики писателей, представленные трудами Е.М.Мелетинского, В.Н.Топорова, М.Элиаде, А.Ф.Лосева, О.М.Фрейденаберг, К.Г.Юнга, Э.Кассирера, В.Вундта, А.Ханзен-Леве.

В лирике Мандельштама обнаружим стихотворения, непосредственно соотносимые с теорией К.Юнга о коллективном бессознательном. Мы найдем идею об архетипичности поэтического творчества в стихотворениях «Я не слышал рассказов Оссиана...», «Батюшков», «Отрывках из уничтоженных стихов...» и др.

Поэзия Мандельштама представляет собой благодатный материал для изучения особенностей функционирования архетипических элементов в авторском сознании. Первое стихотворение Мандельштама, открывающее сборник «Камень», – «Звук осторожный и глухой...» – включает в себя древнейший архетип, связанный с антиномией «космоса» и «хаоса»; «плод, сорвавшийся с дерева» – антитеза небытию, беспредметности. Мотив плода, художника-сеятеля и слова-семени вообще чрезвычайно распространен в лирике Серебряного века. Соотнося столь древний символ с поэзией, Мандельштам включает творчество в контекст непреходящих ценностей бытия.

Мифологема *водной стихии* воплощает в себе космологию Мандельштама, в то же время отражая формирование концепции творчества в ранней лирике. Идею «возрастания» «тростинки» и возвращения в «холодный и топкий уют» встретим в стихотворениях «Из омута злого и вязкого...» и «В огромном омуте прозрачно и темно...». Архетипы *озера, омута, болота* связаны у Мандельштама с идеей дома и домашнего, родного. Погружение в бессознательное становится условием творчества.

Архетип *дерева* в лирике Мандельштама неразрывно связан с идеей творчества. Стихотворение «Листьев сочувственный шорох...» построено на «древесной» образности: «острых листьях», «узорах», «лиственном шуме», «шорохе» листьев. Мудрое дерево непосредственно соотносится автором с поэзией. Идея творчества соединяется с архаическим символом, образуя живое метафорическое единство: могучее дерево-слово своей кроной уходит в неизведанные высоты, слова становятся листьями, и сам поэт предстает как некий орган, улавливающий мистическую речь говорящего дерева. В стихотворении «И поныне на Афоне...» афонское дерево «Имя Божие поет», прославляя Слово и знаменуя собой вселенский статус творчества.

Архетип *неба* как воплощение самых высоких ценностей бытия отражен в стихотворениях-«двойчатках» «Заблудился я в небе – что делать...». Небо, приобщение к идеалу мыслится как трудная задача: легче звенеть «Дантовым девяти атлетическим дискам». Раствориться в небе – лучше и важнее, чем

иметь славу. Свою миссию поэт видит в том, чтобы прославить небо, и обращается с просьбой к «виночерпию и чашнику» помочь ему. Служение небу означает служение всем: автор – «всех живущих прижизненный друг». Награда и конечный результат – полное слияние с небом. Здесь в сложном архетипе неба отражен целый комплекс представлений: это жизнь, искусство, идеал, высокое.

В восьмистишии «*Я скажу это начерно, шепотом...*» центральная метафора – «безотчетного неба игра» – символизирует не что иное, как творчество. Творчество сопровождается у Мандельштама понятиями труд («пот») и «опыт». Формулируя эту обобщенную творческую декларацию, поэт необычайно щепетилен, ответствен и требователен к себе: сказать это можно пока лишь «начерно», «шепотом». Здесь, на земле, в переходной жизни («под временным небом чистилища») существует «счастливое небохранилище», т.е. культура, в которой живут (это «дом») и которая безгранично расширяется в мире и душах людей (дом «раздвижной и прижизненный»).

Архетип *земли* у Мандельштама олицетворяет собой непреложное *право творить*, неотчуждаемое, пожизненное. Иногда в этом качестве «земле» сопутствует архетип «воздуха», также близкий творческой способности. В поздней лирике Мандельштам пользуется цепочкой уподоблений: «поэзия – воздух», «воздух – земля», «земля – поэзия». Подобное сочетание мифологем прослеживаем в стихотворениях «*Я к губам подношу эту зелень...*», «*Не сравнивай: живущий несравним...*», «*Стансах*», «*Стихах о неизвестном солдате*» и т.д.

Архетип *пчелы и меда* в мифологии практически однозначно сопряжен с символикой жизни. У Мандельштама появляется хорошо разработанный танатический аспект символа меда и пчел. В стихотворении «*Возьми на радость из моих ладоней...*» «солнце» и «мед» олицетворяют собой поэзию. Творчество родом из области потустороннего: «пчелы Персефоны» «умирают, вылетев из улья». Все же танатический аспект у Мандельштама неотделим от жизнеутверждающего: пчелы предстают как «поцелуи», герой предлагает «мед» и «солнце» «взять на радость». В понятии поэзии сплетаются противоположности: жизнь и смерть, любовь и ее умирание.

Мандельштамовские мифологемы-архетипы вмещают в себя важнейшие представления автора о мире, отражают нравственные ценности. Чрезвычайная насыщенность поэзии Мандельштама символами-архетипами позволяет говорить о существенной близости картины мира Мандельштама к мифологической, с присущими ей космологией, антропологией и эсхатологией.

Важная часть мифопоэтики Мандельштама отражена в мотиве «детскости», инфантильности. «Детство» в мифологии имеет непосредственную связь с бессознательным, инстинктивным состоянием, а мифологема «ребенка» неотделима от идеи становления, индивидуации (осознания себя как единства сознательного и бессознательного).

В диссертации анализируется мифопоэтический мотив «детства» в лирике Мандельштама, отражающий его понимание творчества. Так, в стихотворении «*Отчего душа так невуча...*» творчество связывается с инфантильностью, а

инфантильность – со смертью. Герой ищет беззаветного растворения в творчестве. «Игрушечная чаща» и «лазоревый грот» (в тех «морских краях», куда ушел «ветер Орфея») наталкивают героя на осознание своей смертности, стихотворение завершается вопросом:

Неужели я настоящий,
И действительно смерть придет?

Область фантазии соприкасается с темой взросления и умирания. Начало и конец жизни смыкаются благодаря «детскому» видению лирического героя.

Мифологическое мышление конкретно и связано с непосредственными ощущениями, с «вещественной» стороной предметов. Чувство «органической» жизни чрезвычайно близко Мандельштаму. «Телесный» язык помогает Мандельштаму описывать важнейшие духовные процессы, мир, свое бытие в мире, «тело» зачастую служит исходной точкой поэтических размышлений: «*В самом себе, как змей, таясь...*», «*Я в хоровод теней, топтавших нежный луг...*», «*Душу от внешних условий...*». Распространенный у Мандельштама мотив дыхания в его конкретности используется как синоним творчества («*Дано мне тело – что мне делать с ним...*», «*Пою, когда гортань – сыра, душа – суха...*»), в то время как невозможность дыхания мыслится как состояние бескрылости («*Концерт на вокзале*», «*Куда мне деться в этом январе...*»). Поэтические переживания лирического героя Мандельштама часто мотивированы «соматическими» реалиями, и такое восприятие, основанное на слухе, обонянии, осязании, охватывает как конкретно-чувственный уровень, так и помогает постичь самые неуловимые интуитивные явления. «Телесный» язык определяет глубинные особенности мифопоэтики Мандельштама и накладывает существенный отпечаток на его понимание творчества и роли творца.

Лирика Мандельштама (особенно ранняя) дает богатый материал для соотнесения с архаичными мифологическими космогониями и антропогониями. У Мандельштама достаточно распространен *мотив созидания мира* художником, поэт претендует на роль демиурга. В стихотворениях «*Отчего душа так певуча...*», «*Раковина*», «*Флейты греческой мята и йота...*» мотив созидания сопровождается мотивом растворения, забвения себя в бытии. Миф «творения» в поэзии Мандельштама реализуется как взаимодействие Вселенной и художника-творца. Космогония – созидание мира Богом-Творцом, искусство – тоже космогония, только исполненная в области слова.

В Заключении подводятся итоги исследования.

Рассмотренные в диссертации аспекты исследуемой проблемы позволяют судить о сложности и неоднозначности концепции творчества Мандельштама, воплощенной в его лирике. Эстетика Мандельштама охватывает большой пласт литературоведческих и философских проблем. Метод философской интерпретации помогает выявить сущностные особенности концепции творчества Мандельштама, в ее подлинной философичности и многогранности отражения внутреннего мира.

Философия творчества Мандельштама глубочайшим образом связана с его пониманием поэзии как священнодействия. Эстетика Мандельштама продолжает начатую поэтами XIX века линию метафизического осмысления творчества. Поэт – соработник Богу, избранный, пророк. В то же время, лирика Мандельштама пронизана идеями и мотивами современности и несет на себе решающий отпечаток биографии поэта. Именно этот сплав напряженной внутренней силы голоса вещей и пронизанности лирики тенденциями, мотивами, идеями времени делает концепцию творчества О.Э.Мандельштама символом духовных исканий XX века.

Основные положения диссертации отражены в следующих статьях:

1. Демина, А.С. Архетипические образы-символы в концепции творчества О.Э.Мандельштама / А.С.Демина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Филология.– Вып. 1 (7).– Н.Новгород: Изд-во ННГУ, 2006.– С. 158-163
2. Демина, А.С. Имяславческие мотивы в лирике О.Мандельштама / А.С.Демина // Грехневские чтения: сборник научных трудов.– Вып. 3.– Нижний Новгород, 2006.– С. 188-195
3. Демина, А.С. К вопросу о влиянии А.Бергсона на лирику О.Мандельштама / А.С.Демина // Русско-зарубежные литературные связи: Межвуз. сб. науч. тр.– Н.Новгород: НГПУ, 2005.– С. 139-145
4. Демина, А.С. Наследование и преодоление традиции в первом поэтическом сборнике О.Мандельштама / А.С.Демина // Актуальные проблемы изучения литературы на перекрестке эпох: сб. науч. ст. Всерос. конф.– Белгород: Изд-во БелГУ, 2006.– С. 24-31
5. Демина, А.С. Философия искусства как самовыражения вещей (мотив внутреннего потенциала бытия в лирике О.Мандельштама) / А.С.Демина // Филологические исследования: Сборник научных трудов, посвященный 75-летию М.А.Михайлова.– Н.Новгород: Изд-во Нижегородского университета, 2005.– С. 126-132
6. Демина, А.С. Художественная философия смертного предела (мотив смерти в концепции творчества О.Мандельштама) / А.С.Демина // Филологические исследования: сборник статей молодых ученых.– Н.Новгород: Изд-во Нижегородского университета, 2004.– С. 32-40
7. Демина, А.С. Эстетика как онтология (философия творчества О.Э.Мандельштама) / А.С.Демина // Жизнь провинции как феномен духовности.– Н.Новгород: Изд-во «Вектор ТиС», 2006.– С. 171-176

